

В Японии, несмотря на победу при Мукдене, настроения в пользу мира также всё более и более усиливались. Там понимали, что русская армия снова не разбита, война окончательно приняла затяжной характер. Даже захват Владивостока и Харбина не поставил бы Россию на колени, чтобы добиться этого, следовало захватить Москву и Петербург. Поэтому японское руководство 10 (23) марта 1905 г. решило не только стремиться к миру, но и проявить инициативу в этом направлении⁶⁸, опять через Вашингтон⁶⁹. Однако из сигналов, поступавших из Петербурга они сделали другие выводы. Т. Хаяши, который внимательно следил за корреспонденциями Э. Диллона, заключил, что Россия не готова продолжать войну: масштабный призыв рекрутов невозможен из-за опасности революции, да и финансы истощились. Именно поэтому условия будущего мира следовало ужесточить, и среди них обязательно должна быть контрибуция: японский дипломат полагал, что России не составит серьёзного труда заключить заграничный заём для её уплаты⁷⁰. По-видимому, в связи с решениями, принятыми в Токио, в апреле 1905 г. в Лондоне несколько лиц говорили с российскими представителями (А.К. Бенкендорф, М.В. Рутковский) о возможности мира (редактор «The Standard» Гвинн, мэр Лондона М. Самюэль)⁷¹.

12.3. Россия после Цусимы: курс на мир

В России окончательный перелом настроений произошёл после поражения русского флота при Цусиме 14–15 (27–28) мая 1905 г. Весть об ужасной военной катастрофе дошла до Петербурга 17 (30) мая (однако первые неутешительные сведения были получены уже поздно вечером 15 мая). С походом эскадры З.П. Рожественского российское руководство связывало большие (но неоправдавшиеся) надежды на изменение в ходе военных действий на Дальнем Востоке. После её гибели в правящих верхах впервые серьёзно задумались над тем, что Россия может проиграть войну. Империя практически лишилась военного флота на Тихом океане. Однако сухопутная армия, несмотря на серию неудач, не была разгромлена. Дилемма выглядела очевидной:

английский посол (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 11 апреля 1905 г. // *British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.75–76*). Он полагал, что в российском обществе число сторонников мира было уже велико, они появились даже в военных кругах.

⁶⁸ Esthus R. Op. cit. P.27.

⁶⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.390–391. Б.А. Романов объяснял это опасениями, вызванными эскадрой З.П. Рожественского. Более вероятен другой вариант: миролюбивые жесты были необходимы для успеха переговоров с Англией о пролонгации союзного договора, так как Лондон совсем не торопился подписать новое соглашение (С.385–386). Хотя сути политики эти жесты, разумеется, не затрагивали.

⁷⁰ Т. Хаяши – Ю Комуре 25 марта 1905 г. // *Ниппон гайко буншо... С.570–571*.

⁷¹ Гальперин А.Л. Указ. соч. С.205.

продолжать ли сражаться с Японией или, пока не поздно, искать мира? Все остальные проблемы, в том числе революционное движение и предкризисное состояние российских финансов отошли на второй план. В.Н. Коковцов, подготовив под впечатлением о Цусиме письмо Николаю II, ставил вопрос исключительно в военной плоскости: в состоянии ли армия противиться натиску японцев и «твёрд ли» Владивосток? В случае положительных ответов войну, по его мнению, следовало продолжать. Если же военные ответят «нет», тогда требовалось немедленно заключать мир, пока японская армия ещё не стояла на русской земле⁷².

Эмоциональное послание В.Н. Коковцова явилось слабым отражением той паники, которая вспыхнула в Петербурге. В связи с гибелью флота немедленно вспомнили о планах созыва Земского собора, решив передать на его усмотрение вопрос о продолжении военных действий или заключении тяжёлого мира, чтобы свалить ответственность с царя. По-видимому, в дни между 18 и 23 мая появилось несколько проектов его учреждения⁷³. Однако растерянность длилась недолго. Николай II всё-таки взял ответственность на себя и 24 мая (6 июня) 1905 г. созвал Военное совещание для обсуждения вопроса о продолжении войны.

На его решение предложили четыре вопроса, суть которых сводилась к тому, сможет ли русская армия воспрепятствовать появлению японцев уже на российской территории (Сахалин, устье Амура и Камчатка) и следует ли в этой связи стремиться к немедленному заключению мира. Военные говорили в основном о необходимости пополнения сил в Маньчжурии. С ними никто не спорил. Николай II присоединился к мнению великого князя Владимира Александровича, заявившего: «теперь мы находимся в таком если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира. <...> Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живём в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России». Впервые среди аргументов за прекращение войны прозвучала революция, правда, она не имела доминирующего значения, а лишь рассматривалась в ряду других причин, отягощавших ведение войны. К внутривластическому фактору царь добавил чисто военный: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. <...> Но завтра это может перемениться, так как при отсутствии флота Сахалин, Камчатка и Владивосток могут быть взяты, и тогда

⁷² В.Н. Коковцов – Николаю II, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.55. Л.1, 10.

⁷³ РГИА. Ф.521. Оп.1. Д.167. Л.65–77. Об этом сразу узнал английский посол в Петербурге (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 5 июня 1905 г. // *British Documents on the Origins of the War*. Vol. IV. P.82–84).

приступить к переговорам о мире будет ещё гораздо труднее и тяжелее»⁷⁴. Несмотря на то, что никакого официального решения совещание не приняло, позиция Николая II и великого князя Владимира Александровича свидетельствовала: в верхах сильнейшие опасения отчасти за внутренние дела, а также за дальнейшие военные неудачи перевесили все иные соображения, почему российское руководство и решило искать мира.

В какой-то степени к заключению о необходимости мира самодержца могло подтолкнуть и растущее давление извне. 23 мая царь получил письмо Вильгельма II (его содержание было сообщено немцами американскому президенту) с настойчивым призывом прекратить войну, обратившись для начала переговоров к посредничеству Т. Рузвельта⁷⁵. Уже 24 мая о высочайшей аудиенции попросил только что назначенный посланник США в Петербурге Дж. Мейер, и получил её 25 мая. Царь с трудом, но согласился на мирную инициативу президента, опасаясь, что в случае отказа японцы захватят Сахалин⁷⁶. В эти же дни в Вашингтоне Т. Рузвельт лично убеждал российского дипломата А.П. Кассини, что война для России безнадежно проиграна⁷⁷. Надо сказать, что в тот момент международная обстановка для Петербурга была не такой уж плохой. А.И. Нелидов сообщал из Парижа, что одновременно с шокирующим впечатлением от гибели русской эскадры при Цусиме в Англии и США возникло сильное беспокойство по поводу успехов Японии: там возникло желание положить конец усилению позиций Токио, а для этого способствовать заключению мира, не слишком тяжёлого для достоинства России, «который не оставил бы Японию единственной и полноправной распорядительницей Тихого океана»⁷⁸. Тем не менее, Петербург проявлял упорство: даже в начале июня, когда Ч. Хардинг имел разговор с В.Н. Ламздорфом, российский министр утверждал, что Россия не желает мира до тех пор, пока Япония не объявит о своей готовности к нему⁷⁹. Конечно, это была реакция на ожидаемые японские условия (контрибуция, передача территории, ограничение флота), выраженная, прежде всего, для японцев.

⁷⁴ Конец русско-японской войны (Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе) // Красный архив. 1928. №3 (28). С.201.

⁷⁵ Вильгельм II – Николаю II 3 июня 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894–1914 гг. М.:Пг., 1923. С.102–105. В этот же день состоялась встреча А.П. Кассини с Т. Рузвельтом в Вашингтоне, на которой американский президент сообщил русскому послу о своей инициативе.

⁷⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.416.

⁷⁷ Esthus R. Op. cit. P.40–41. А.П. Кассини, судя по его донесениям, был излишне склонен доверять словам Т. Рузвельта.

⁷⁸ А.И. Нелидов – в МИД 19 мая 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.18 об. – 19. Николай II признал суждения посла в Париже обоснованными.

⁷⁹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.146.

Далее основные события до начала Портсмутской конференции происходили в основном в переговорах Петербурга с Вашингтоном⁸⁰. 26 мая (8 июня) 1905 г. Т. Рузвельт отправил царю официальное предложение о посредничестве в мирных переговорах. 30 мая Россия в специальной ноте согласилась на встречу российских представителей с японскими уполномоченными. Была короткая дискуссия о выборе места встречи, в которой Россия пыталась настоять на Гааге, но быстро «сдалась» на Америку (не Вашингтон или Нью-Йорк «из-за смертельной летней жары», а какое-либо другое «спокойное летнее место»)⁸¹.

После этого в России началась подготовка к предстоящей мирной конференции. Следовало определить состав делегации и условия, на которые согласна пойти Россия. Круг возможных участников оказался весьма значителен. 7 июня 1905 г. В.Н. Ламздорф докладывал Николаю II о кандидатуре А.П. Кассини, письме А.П. Извольского, назвавшего С.Ю. Витте, и о письме А.И. Нелидова о Р.Р. Розене⁸². Первым предложение возглавить российских представителей в Портсмуте направили послу в Париже А.И. Нелидову. Его фамилия появилась, по-видимому, в связи с тем, что ещё в феврале 1905 г. дипломат участвовал в проведении мирного зондажа через Т. Делькассе⁸³. Его и назначили 11 (24) июня, об этом официально сообщили Т. Рузвельту и, следовательно, японцам. Однако А.И. Нелидов уклонился от миссии, сославшись на незнание предмета и тяжёлый климат Вашингтона (Портсмут ещё не был окончательно выбран местом проведения конференции). Следующим канди-

⁸⁰ Б.А. Романов утверждал, что посредническая миссия США и второй англо-японский договор, успешно состоявшиеся, явились итогом «сговора» Вашингтона и Лондона в феврале 1905 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.420). Иначе говоря, русско-японский мир – это продукт прежде всего согласованной англо-американской политики. Как мне кажется, для такого заключения нет оснований. Разумеется, русско-японские переговоры надо рассматривать в широком контексте международных отношений, но не только общая ситуация и желания Вашингтона и Лондона определяли их результаты. Также нет оснований связывать ход и содержание русско-японских контактов с марокканским кризисом. Скорее всего, прямого влияния на русско-японскую войну он не имел. Так, кстати, полагал английский посол в Петербурге Ч. Хардинг (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.146). Показательно, что переписка британского дипломата со своим министерством в это время, частично опубликованная в «British Documents...», показывает: никаких инициатив либо попыток давления на Россию англичане не предпринимали (British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.64–111, особенно – P.89–94). Это и понятно: никаких шансов на успех они не имели.

⁸¹ А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 3 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 года. СПб., 1906. С.17.

⁸² Конспекты всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.26.

⁸³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Отчёт секретаря конференции // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.982. Л.6.

датом стал посол в Риме Н.В. Муравьёв, его утвердили 14 (27) июня, а 17 (30) июня о новом выборе Петербурга американцы известили японцев⁸⁴. Его недостатком также являлось слабое представление о дальневосточной политике, поэтому для мирной делегации готовилась подробная инструкция. В её состав включили несколько человек, хорошо знакомых с проблемами Дальнего Востока: бывшего военного агента в Японии полковника В.К. Самойлова и его коллеги, военно-морского агента А.И. Русина, а также агента Министерства финансов в Китае, ставшего в мае 1905 г. посланником, Д.Д. Покотилова. Кроме них заключать мир направили профессора, известного специалиста по международному праву Ф.Ф. Мартенса, директора Департамента государственного казначейства и давнего сотрудника С.Ю. Витте И.П. Шипова, начальника Военно-статистического отдела Главного штаба генерала Н.С. Ермолова, в Вашингтоне к ним присоединились посол Р.Р. Розен, долгое время работавший в Токио и назначенный вторым уполномоченным от России на переговорах, а также финансовые агенты в США и Японии (а затем в Китае) Г.А. Виленкин и Н.А. Распопов. Секретарём делегации назначили Г.А. Плассона, дипломатического чиновника при наместнике Е.И. Алексееве. Роль личного секретаря С.Ю. Витте исполнял И.Я. Коростовец.

25 июня Н.В. Муравьёв прибыл в Петербург, однако уже 27 июня имел высочайшую аудиенцию, на которой и отказался от поручения. 28 июня он объявил о своей болезни, не позволяющей ему не только подготовиться к конференции, но и участвовать в ней. С.Ю. Витте впоследствии утверждал в «Воспоминаниях», ссылаясь на покойного к тому времени В.Н. Ламздорфа, что посла в Риме охватила «дипломатическая болезнь» из-за боязни провала переговоров и из-за того, что на их проведение ассигновали чрезвычайно скромную, с точки зрения Н.В. Муравьёва, сумму (он хотел 100 тыс., а получил всего 15 тыс. руб.)⁸⁵. Однако посол в Риме действительно незадолго до того серьёзно болел, а в Петербург приехал после лечения в Контрэксвилле⁸⁶. Как бы то ни было,

⁸⁴ Кандидатура Н.В. Муравьёва вызвала недовольство японцев, считавших, что он оскорбил их делегацию во время Гаагской конференции 1899 г. (Small. Зигзаги. Паломничество С.Ю. Витте в Портсмут. СПб., 1906. С.19). Однако его назначение нельзя рассматривать как демонстративный жест в адрес Токио. Выбор Н.В. Муравьёва был сделан в пику кандидатуры С.Ю. Витте, которого настойчиво, не скрывая, протежировал В.Н. Ламздорф (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 15 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.308).

⁸⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.143–144. Совершенно другую версию приводит В.Н. Коковцов: Н.В. Муравьёв после разговора с царём «передумавши всю ночь», прямо объявил, что не решился возглавить русскую делегацию, так как почувствовал, что не в состоянии добиться успеха, посоветовав Николаю II назначить С.Ю. Витте (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т.1. М., 1992. С.77).

⁸⁶ Дж. Мейер – Э. Руту 11 июля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.4. Л.190. И.Я. Коростовец считал, «что Муравьёв, одарённый выдающимися способно-

29 июня Николаю II пришлось назначить главным уполномоченным от России на переговорах С.Ю. Витте⁸⁷. Последний обусловил своё согласие личной аудиенцией у императора, надеясь, по-видимому, уточнить некоторые свои полномочия. Несмотря на нежелание царя, ему пришлось вечером 30 июня послать приглашение С.Ю. Витте⁸⁸. Их встреча состоялась 1 июля. Разговор, как буд-то, состоялся непростой и тяжёлый. Вечером того же дня российский уполномоченный ужинал со своими сотрудниками по делегации (Г.А. Плансоном и К.Д. Набоковым). Оптимизма не было: будущий триумфатор Портсмута сразу «выразился, что не надеется на успех переговоров»⁸⁹. Тем не менее, первые приготовления начались. Прежде всего, С.Ю. Витте, не владевший английским языком, озаботился тем, чтобы текст мирного соглашения, который он намеревался составить сам по-русски, перевели на французский. Английского языка он не допускал, о чём и заявил начальнику канцелярии министра иностранных дел А.А. Савинскому⁹⁰.

Бывший министр финансов сделал всё возможное, чтобы возглавить русскую делегацию, несмотря на то, что он всегда отрицал это⁹¹. Об этом однозначно свидетельствуют все его усилия по организации переговоров о мире, предпринятых с лета 1904 г. В первой половине июня 1905 г., когда было уже очевидно, что переговоры скоро начнутся, он написал и отправил почти отчаянное письмо А.Ф. Гейдену, надеясь ещё раз привлечь внимание Николая II к своей персоне в связи с русско-японской войной⁹². В это же время открыто

стями и имея дельных сотрудников, не испортил бы дела» (Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.180).

⁸⁷ В Петербурге ходил слух, что после отказа Н.В. Муравьёва «придворная партия» при поддержке императрицы Марии Фёдоровны лоббировала на его место А.П. Извольского. Но мнение В.Н. Ламздорфа на этот раз перевесило (Донесение бельгийского посланника в Брюссель, б/д., представленное Николаю II 10 июля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.17 об.). А.П. Извольский подтвердил его позднее в своих воспоминаниях, добавив, что он написал письмо министру, рекомендуя назначить российским представителем С.Ю. Витте (Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С.15).

⁸⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 28, 29 и 30 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.344–348.

⁸⁹ Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.213. Л.26.

⁹⁰ Дневник Г.А. Плансона. Запись 4 июля 1905 г. // Там же. Л.27 об.

⁹¹ Так, В.Н. Коковцову он заявил, что Николай II его «заставил»: «Когда нужно чистить канавы, так посылают Витте, а когда предстоит работа почище или полегче, то всегда находятся другие охотники» (Коковцов В.Н. Указ. соч. С.78).

⁹² В своих воспоминаниях С.Ю. Витте пишет, что **после сражения под Мукденом** (надо понимать, в конце февраля или марте 1905 г.) он послал газетную статью, в которой признавалось, что успеха от действий Н.П. Линевиича ждать не приходится, графу А.Ф. Гейдену, начальнику Военно-походной канцелярии Николая II, рекомендуя ему обратиться на неё внимание царя. Николай II прочёл послание С.Ю. Витте, и оставил его без

и всеми возможными средствами в пользу С.Ю. Витте действовал и его друг В.Н. Ламздорф⁹³. Он прямо сообщил Ч. Хардингу (то есть, японцам), что в случае назначения главой японской миссии Х. Ито он желал бы видеть его контрагентом С.Ю. Витте, надеясь таким образом получить поддержку из Токио⁹⁴. Однако японцы выжидали, в результате царь первым объявил о назначении А.И. Нелидова, тем самым план В.Н. Ламздорфа – С.Ю. Витте рухнул.

последствий, а от А.Ф. Гейдена С.Ю. Витте «получил ответ с различными соображениями и колкостями» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.140. Письмо С.Ю. Витте цитируется во вступительной статье А.Л. Сидорова «Граф С.Ю. Витте и его «Воспоминания»» // Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. М., 1960. С.XLVII). Сохранились автографы двух писем будущего графа А.Ф. Гейдену, датированных 9 и 14 июня (!) 1905 г., т.е., примерно три месяца спустя после Мукдена и несколько недель – после Цусимы. Первое – сопроводительное к статье об армии Н.П. Линевича из газеты «Русские ведомости», подписанной инициалами С.К. С.Ю. Витте хотел бы, чтобы эта вырезка была представлена Николаю II (ОПИ ГИМ. Ф.424. Оп.1. Д.12. Л.14 об.). Второе представляет собой полемику с ответом А.Ф. Гейдена, в частности, с его соображениями по поводу войны: русская армия не может вернуться битой из Маньчжурии, а С.Ю. Витте хочет мира во что бы то ни стало. В ответ председатель Комитета министров написал: «Я держался мнения и их высказывал, что нужно принять условия, которые нам предлагала Япония (Курино лично мне передал один экземпляр) в канун июля 1903 года – за полгода до войны. Условия эти в общем были вполне приемлемы. Тогда и войны не было бы. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до взятия Порт-Артура. <...> Я держался мнения, что нужно было заключить мир до мукденского сражения. <...> Я держался мнения, что нужно было заключить мир, когда Рождественский появился в китайских водах. <...> Наконец, я держусь мнения, что нужно заключить мир до нового боя с армией Линевича» (С.Ю. Витте – А.Ф. Гейдену 14 июня 1905 г. // Там же. Л.1 об.). Общий тон письма С.Ю. Витте был вежлив, примирителен, ответных «колкостей» в нём содержалось немного. Почему он вдруг обратился к малознакомому ему А.Ф. Гейдену? Вероятно, это оказалось связано с подготовкой к мирным переговорам и решавшемся в те дни вопросе о назначении русских уполномоченных. Похоже, что переписка с начальником Военно-походной канцелярии стала отчаянной попыткой С.Ю. Витте напомнить о себе: это он всегда говорил о необходимости мира с Японией, поэтому именно его надо привлечь к заключению этого мира! Не потому ли позднее, когда он составлял воспоминания, председатель Комитета министров продемонстрировал такую забывчивость в датах? Тем более, он легко мог устранить неточности, так как письмо А.Ф. Гейдена сохранилось в его архиве.

⁹³ Впервые кандидатура С.Ю. Витте была представлена министром Николаю II ещё 11 (24) июня, но монарх ответил категорично: «Только не Витте» (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.205). Вряд ли на его позицию могли повлиять эпистолярные обращения сановника через А.Ф. Гейдена.

⁹⁴ Ч. Хардинг – Ландезену 21 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.165 turn. Это же министр иностранных дел говорил царю (всподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 11 (24) июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.26–27). Усилия В.Н. Ламздорфа в пользу С.Ю. Витте и против как А.И. Нелидова, так и Н.В. Муравьёва были хорошо известны англичанам (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 4 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.237).

Кандидатуру С.Ю. Витте все встретили весьма одобрительно. Бывший министр финансов имел репутацию сторонника мира и рассматривался как самый удобный кандидат на участие в мирной конференции. На дипломатическом языке его назначение означало, что Россия действительно намеревается завершить войну.

Японцы в свою очередь предполагали назначить главой мирной делегации Х. Ито (давнего сторонника соглашения с Россией)⁹⁵, но, узнав о предполагаемом составе русских уполномоченных (А.И. Нелидов, затем Н.В. Муравьёв), отказались от этой идеи, сославшись на то, что больному экс-премьеру трудно перенести длительное морское путешествие. Разумеется, они решили, что фигура маркиза, одного из ведущих политических деятелей Японии, не соответствует ни А.И. Нелидову, ни Н.В. Муравьёву. В итоге в США отправился министр иностранных дел Ю. Комура, сторонник жёсткой линии в отношении России⁹⁶. По сведениям Н.А. Распопова, Ю. Комуру выдвинула умеренная оппозиция. «Очень не блестящий на вид, Комура обладает, однако, громадным умом, знанием, с одной стороны, всей подноготной японской прогрессивной оппозиционной партии и её отношений к правительству и народу, с другой стороны – тех мелочных интриг иностранных представителей, умелая игра которыми позволила японцам блестяще достигнуть самых трудноосуществимых целей. Вместе с тем Комура известен как весьма сдержанный, рассудительный человек, далеко не шовинист по убеждению <...> Кто бы ни были прочие делегаты, Комура будет, несомненно, играть руководящую роль, хотя бы и стужёвываясь для виду»⁹⁷.

Непростой работы потребовала подготовка инструкции для российской делегации. Сначала были запрошены мнения военного, морского министров и министра финансов, а также Е.И. Алексеева. Военное министерство вообще выступало против заключения мира, но уж если переговоры предрешены, то следовало выступать за независимость Кореи, возвращение Маньчжурии Китаю, а Ляодуна – России с последующей передачей полуострова Пекину⁹⁸. Это были условия непроигравшей стороны, что полностью соответствовало представлению генералов. Моряки оказались скромнее и настаивали лишь на недопустимости каких-либо ограничений на Тихом океане, а также передачи

⁹⁵ А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 31 мая (12 июня) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.15. Ясно, что это была сознательная утка информации в расчёте на то, что Петербург назначит равноценную фигуру. Выбор же России разочаровал Японию.

⁹⁶ Узнав о назначении С.Ю. Витте, японцы хотели вернуться к кандидатуре Х. Ито, но было уже поздно.

⁹⁷ Н.А. Распопов – А.И. Путилову 2 (15) июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.20.

⁹⁸ В.В. Сахаров – В.Н. Ламздорфу 18 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.42–43.

Японии судов, интернированных за время военных действий в нейтральных портах (держа в уме идею будущего реванша)⁹⁹. Свои соображения послал и первый кандидат в уполномоченные А.И. Нелидов. По мнению дипломата, России следовало отказаться от Кореи и освободить Маньчжурию. В дальнейшем для укрепления дальневосточных рубежей империи требовалось превратить Владивосток в крепость и вернуться к дружбе с Китаем. На союзнические отношения с Японией посол призывал не надеяться¹⁰⁰. Самый обстоятельный и полезный для мирных переговоров ответ представил В.Н. Коковцов. Он чётко сформулировал принципиальное отношение к конференции: «с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно», но «в настоящее время для России не признаётся необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало». Министр финансов видел в предстоящем свидании российского уполномоченного с японскими представителями прежде всего «великодушную попытку Его императорского величества узнать требования японского правительства» (Николай II пометил напротив этих слов – «Именно»). Кроме того, министр финансов впервые подчеркнул, что соглашение с Японией должно быть «искренним и как можно более продолжительным». Это требовало долгосрочного урегулирования интересов. В общем, условия мира В.Н. Коковцова выглядели так: никаких уступок российских земель и контрибуции (Николай II – «Безусловно»), лишь компенсация за содержание военнопленных, вывод войск из Маньчжурии и возвращение её Китаю (вместе с Ляодуном), КВЖД остаётся за Россией (Николай II – «Верно»), но возможна передача Пекину большей части ветки на Ляодунский полуостров¹⁰¹.

Предложения В.Н. Коковцова составили основу пространной и подробной инструкции, подготовленной для русской делегации¹⁰². Её проект написал В.Н. Ламздорф, Николай II лично утверждал каждый пункт. В Петербурге весьма точно оценили как текущий момент («в скорейшем прекращении военных действий заинтересованы и некоторые нейтральные государства, опа-

⁹⁹ Ф.К. Авелан – В.Н. Ламздорфу 21 июня 1905 г. // Там же. С.53–54.

¹⁰⁰ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу 22 июня 1905 г. (копия) // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.91. Вряд ли такие общие рассуждения могли помочь русской делегации, тем более что А.И. Нелидов нигде не предлагал внятных способов реализации своих предложений. Не удивительно, что он отказался от роли главного уполномоченного: с такими представлениями рассчитывать на успех в переговорах было бы невозможно.

¹⁰¹ В.Н. Коковцов – В.Н. Ламздорфу 20 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.47–53. Царь оставил на документе резолюцию: «В общем, вполне одобряю письмо Ваше» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.24). На оригинале письма В.Н. Коковцова В.Н. Ламздорфу остались также многочисленные одобрительные пометы Николая II, которые не были воспроизведены в официальной публикации (Там же. Л.24–30).

¹⁰² Инструкция статс-секретарю Н.В. Муравьёву 28 июня (11 июля) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.78–89.

сающиеся слишком преобладающего влияния Японии на Дальнем Востоке и готовые посему произвести известное давление на токийский кабинет»), так и позицию Японии по отношению к продолжению войны (она «также желает окончания войны, истощившей её военные и финансовые ресурсы и стоившей ей неисчислимых жертв»). В инструкции чётко обрисовали предел, за который делегация не могла переступить. Четыре пункта говорили о недопустимости уступки Японии какой-либо части российской территории, уплаты контрибуции, ограничения морских сил на Дальнем Востоке и отказа от любой части КВЖД¹⁰³. В МИД абсолютно правильно понимали желания и возможности Токио («в среде более благоразумных государственных деятелей Японии преобладает, по-видимому, стремление воспользоваться настоящими выгодными обстоятельствами с тем, чтобы прекратить войну, которая в будущем может вызвать лишь неудовольствие и беспокойство со стороны держав, вначале сочувствующих японцам»). Предполагая, что Япония постарается настоять на передаче ей Сахалина¹⁰⁴, Россия категорически отвергала такую возможность, но была готова взамен предоставить японцам право рыбной ловли в своих прибрежных водах. В остальном требования Японии предполагалось нейтрализовать существующими международными договорами (Маньчжурия – Китаю, Корея – подтверждение независимости,

¹⁰³ Как крайний случай, допускалась возможность её досрочного выкупа (Инструкция статс-секретарю Н.В. Муравьёву 28 июня (11 июля) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.87).

¹⁰⁴ 24 июня (7 июля) 1905 г. японцы высадились на острове, быстро преодолели сопротивление слабых и разрозненных военных команд и к 16 (29) июля (т.е. ещё до начала переговоров в Портсмуте) захватили большую часть Сахалина. Вопрос о его судьбе серьёзно заботил Петербург после череды неудач русской армии с начала 1905 г., когда уже было очевидно, что опасность высадки туда японцев и его захвата весьма вероятна. Между тем, сил защищать остров у России не имелось. Поэтому в марте 1905 г. появились планы отдачи всего Сахалина в долгосрочную аренду предпринимателям, русскому и американцу (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 20 марта 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.2016. Л.2). Предполагалось, что концессионеры возьмут на себя секретное обязательство вернуть свои права России, если она этого потребует. В случае же перехода Сахалина к японцам российская казна получала половину доходов концессионеров (Всеподданнейший доклад А.М. Абазы 19 апреля 1905 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.176. Л.78). Был и другой план – продать Сахалин американцам за 80–90 млн. рублей. Но от него отказались после того, как А.П. Кассини из Вашингтона сообщил, что американское правительство не одобрит и не поддержит эту сделку (А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 6 (19) апреля 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.2016. Л.15–16). Также отрицательный отзыв дал наместник Е.И. Алексеев, заявив, что если уж передача Сахалина японцам неизбежна, то ей следовало бы придать временный характер с «известными условиями» (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 20 мая 1905 г. // Там же. Л.25–26). В итоге Николай II отклонил очередной безобразовский план.

Квантун невозможно прямо отдать Японии, так как суверенитет над ним принадлежал Пекину), а также частными уступками по каждому из числа недопустимых требований¹⁰⁵. К примеру, В.Н. Ламздорф полагал, что одним из основных вопросов на переговорах станет финансовый и что Токио обязательно будет настаивать на контрибуции. Нейтрализовать условие граф намеревался заключением «какой-нибудь финансовой сделки, могущей заменить военное вознаграждение без ущерба для достоинства России»¹⁰⁶. Вероятно, это отражало также и мнение С.Ю. Витте, полагавшего, что без уплаты контрибуции не обойтись.

Россия также имела важный источник информации для подготовки к конференции – хорошо налаженную перлюстрацию дипломатической корреспонденции многих миссий в Петербурге, а также переписку японских представительств в Париже, Стокгольме, Антверпене, Вене и Гааге¹⁰⁷. Содержание наиболее важных писем сообщалось В.Н. Ламздорфу, тот знакомил с ними С.Ю. Витте¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Инструкция Н.В. Муравьеву 28 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.78–89.

¹⁰⁶ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 12 июня 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.46.

¹⁰⁷ Согласно рассказу генерала М.С. Комиссарова, массовая дешифровка дипломатической корреспонденции была налажена в России в 1904 г., после начала русско-японской войны. Не без гордости жандарм сообщил в 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что им «были раздобыты шифры: американский, китайский, бельгийский, персидский – всего 12 шифров. Все иностранные сношения контролировались. <...> Телеграммы, которые приходили из-за границы, получались на нашем телеграфе, копии расшифровывались переводчиком и если они не представляли интереса, то сейчас же передавались в посольство». В особо важных случаях, например, во время переговоров в Портсмуте, передача телеграмм задерживалась на 8–12 часов. Не удивительно, что М.С. Комиссаров утверждал: «Мы знали все американские условия раньше, чем американский посол в Петербурге». Всё самое интересное сообщалось императору: «Не было дня, чтобы не посылалось 1–2 всеподданнейших доклада по поводу этих разработок». В 1906 г. деятельность по дешифровке дипломатической корреспонденции была прекращена из-за огласки, а большая часть собранного архива уничтожена (Допрос М.С. Комиссарова 4 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. Л., 1925. С.141–142). Однако часть его, касающаяся Портсмутской мирной конференции, сохранилась и находится ныне в РГИА.

¹⁰⁸ С.Ю. Витте просил И.Ф. Манасевича-Мануйлова сообщать ему через А.И. Нелидова всё интересное из перлюстрируемой в Гааге и Париже японской дипломатической корреспонденции (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.359 об.). Подробнее о деятельности И.Ф. Манасевича-Мануйлова см.: Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004.

Петербург угадал большинство условий Токио. Они были обсуждены японским правительством 17 (30) июня, а 22 июня (5 июля) утверждены императором. Все требования разделили на три группы. Первая – это те, на которых мирной делегации предписывалось настаивать категорически: свобода рук в Корее, очищение Маньчжурии, передача Японии Порт-Артура вместе с железной дорогой к нему. Вторая – относительно важные условия: контрибуция, Сахалин, получение интернированных в нейтральных портах российских судов и право рыбной ловли в прибрежных водах. И, наконец, третья группа условий – добавочные: желание ограничить морские силы России на Дальнем Востоке и демилитаризировать Владивосток¹⁰⁹. Нетрудно заметить, что минимум японских требований и максимум уступок России, в общем, не противоречили друг другу. Это давало реальные шансы на успех мирных переговоров.

Тем не менее, глава русской делегации ехал в Портсмут, не питая оптимизма относительно исхода переговоров. Данные ему официальные инструкции С.Ю. Витте считал слишком категоричными, полагая, что их не удастся выполнить полностью и придётся уступать в вопросе о контрибуции и Сахалине. В этом случае российский уполномоченный предпочитал уплатить какие угодно деньги, чтобы вернуть назад занятый японскими войсками остров («Но вот в чём я совершенно уверен, что будет невозможно заключить договор, при котором японцы согласились бы отдать нам взятый ими Сахалин и не получить соответствующую сумму денег»)¹¹⁰. С.Ю. Витте ещё в Петербурге начал искать путей расширить рамки данных ему инструкций, а также умерить требовательность японцев. В частности, будущий граф до того, как отправиться в путь, открыто заявил об опасности усиления в Петербурге «военной партии», что делало достижение соглашения весьма сложным, учитывая также завышенные притязания японской стороны¹¹¹. Разумеется, это говорило в надежде на то, что эти соображения будут услышаны в Токио.

Перед отъездом С.Ю. Витте 5 июля имел встречу с Николаем II. На ней он, по-видимому, решительно поднял вопрос о заключении союзного договора с Японией и получил на это какие-то полномочия. Возможно, что именно они отразились в дополнительной инструкции, в последний момент данной российскому посланцу. В ней не говорилось прямо о каких-либо но-

¹⁰⁹ Кутаков Л.Н. Россия и Япония... С.247–248; Okamoto Sh. The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. N.Y.:L., 1970. P.124–125.

¹¹⁰ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.363.

¹¹¹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 25 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.479; British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.93–94. Английский посол также признавал, что для России территориальные потери и уплата контрибуции недопустимы, отмечая, что к лету 1905 г. господствующее настроение, в том числе среди крестьянства, переменялось: опасность национального унижения перевесила, и большинство уже выступало за продолжение войны.

вых уступках, но содержалась фраза, что после высадки японских войск на Сахалине «некоторые соображения, приводимые в помянутых инструкциях, теряют ныне своё значение»¹¹². Что имелось в виду, в документе не уточнялось, но можно предположить, что «некоторые соображения» касались судьбы острова.

Ещё находясь в Петербурге С.Ю. Витте провёл ряд встреч с представителями ряда стран в России. Каждому он говорил своё: французскому послу М. Бомпару – о трудности будущих переговоров и желательности заключения мира с участием Англии и Франции, уповая, по-видимому, на их умиротворяющее влияние на японцев; английского дипломата С. Спринг Райса снова пугал ростом влияния Германии в Европе, а американца Дж. Мейера убеждал в своей приверженности миру¹¹³. В день отъезда С.Ю. Витте из России 6 (19) июля 1905 г. появилось его интервью Associated Press, в котором он объявил, что не намерен заключать мир во что бы то ни стало и не подпишет договор, не совместимый с достоинством России.

В Германии российский уполномоченный утверждал одно, а во Франции – совсем другое. В Берлине 7 (20) июля он встречался с Э. Мендельсоном, которому «по секрету» обозначил уступки, на которые Россия готова была пойти: Корея, Маньчжурия, половина Сахалина, железная дорога до Порт-Артура (КВЖД оставалась у России) и контрибуция до 500 млн. руб. Причём С.Ю. Витте был уверен, что Сахалин придётся отдать весь, а сумма контрибуции будет больше¹¹⁴. Маловероятно, чтобы такие уступки являлись платой за союз с Токио, которую Николай II разрешил сделать своему посланцу. Почему же С.Ю. Витте огласил в Берлине именно эти условия? Расчёт главы российской делегации строился, вероятно, на то, чтобы через Вильгельма II оказать давление на царя во время встречи двух императоров, которая предстояла несколькими днями позже, и добиться для себя новых возможностей уступить в том объёме, который он изложил Э. Мендельсону (весь Сахалин и контрибуция свыше 500 млн. руб.). Для того, чтобы немецкий монарх был максимально убедителен и настойчив,

¹¹² Сборник дипломатических документов... С.92–94.

¹¹³ Игнатъев А.В. Указ. соч. С.213.

¹¹⁴ А.В. Игнатъев полагает, что Николай II при разговоре с С.Ю. Витте допустил возможность уступки Японии Южного Сахалина и уплаты замаскированной контрибуции и что об этом российский уполномоченный немедленно рассказал в Берлине (Там же. С.209–210). Для объяснения этого он пускается в рассуждение, что Япония нуждалась в союзнике «для охраны захваченных позиций», поэтому получается, что чем более уступала Россия, тем более Япония становилась заинтересована в союзе с ней, то есть, воспроизводит рассуждения С.Ю. Витте. Однако это не так: Корею Япония получала не из рук России, а фактически от Англии и США, поэтому альянс с Россией Токио не требовался, что и показали переговоры в Портсмуте.

С.Ю. Витте пугал его развитием революции в России («будут потоки крови») и вообще неприятными последствиями в случае продолжения войны (унижение, возвращение разбитой армии и т.п.)¹¹⁵.

Напротив, в столице Франции российский уполномоченный выразил желание получить для России очередной заём, а также опять рассуждал о желательности континентального антианглийского союза. Но понимания он не встретил: французы холодно заметили, что получить деньги Россия сможет лишь после прекращения войны, а наметившееся англо-французское сближение исключает радикальную переориентацию политики Франции¹¹⁶. Более успешно он зондировал возможную реакцию европейцев на условия мира, встречаясь с рядом лиц (с М. Рувье, немецким послом Г. Радолином и др.). С.Ю. Витте каждый раз утверждал, что Россия не станет платить контрибуцию, но готова отказаться от Кореи и Южной Маньчжурии. Разумеется, об этом сразу же стало известно японцам¹¹⁷.

Помимо всего, С.Ю. Витте подстраховался: он намеревался воспользоваться поездкой в США, чтобы подготовить почву для заключения займа в Америке: в любом случае Россия нуждалась в деньгах. Бывший министр финансов понимал, что не сможет черпать, как прежде, средства с парижского рынка, а на возможную поддержку Берлина всерьёз рассчитывать не приходилось. С.Ю. Витте задумал кампанию для привлечения на свою сторону американского общественного мнения и в частности, евреев, намереваясь преодолеть сложившийся за океаном негативный образ России как деспотической автократии¹¹⁸. Прямого влияния на ход предстоящих переговоров это вряд ли бы имело, а вот в случае их провала, вероятно, смогло бы облегчить выход России на американский денежный рынок, с помощью чего глава российской делегации надеялся поправить финансовое положение империи.

¹¹⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.478–479. С.Ю. Витте точно определил ту струну, на которой ему следовало играть в Берлине: Германия была действительно сильно напугана развитием революции в России, особенно опасаясь всплеска национальных движений на сопредельных территориях, поэтому готовилась к возможной интервенции для подавления антиправительственных выступлений (Острецова М.Л. Бьёркский договор 1905 г. (К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на развитие русско-германских отношений) // Учёные записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. Т.83. Кафедра истории Нового времени. Вып.4. М., 1958. С.114–121).

¹¹⁶ Игнатъев А.В. Указ. соч. С.215.

¹¹⁷ И. Мотоно – Ю. Комуре 27 июля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.351–355.

¹¹⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С.192–194. Саму идею борьбы за американское общественное мнение С.Ю. Витте подкавал американский посол в Париже Р. Мак Кормик (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.372–374).

Кроме того, С.Ю. Витте через Э. Диллона, петербургского корреспондента «Daily Telegraph», обратился к Т. Хаяши по поводу предстоящих переговоров. Русский уполномоченный просил передать японскому послу, не скрывая, что находится в очень трудном положении, и хотел бы, чтобы Х. Ито получил полномочия предварительно, до Портсмута, обсудить с ним отдельно контуры не только мирного соглашения, но и союза. Однако Т. Хаяши разочаровал С.Ю. Витте, сообщив ему, что его надежды на Х. Ито безосновательны, а русско-японский союз невозможен: как можно заключить дружеское соглашение между теми, кто не доверяет друг другу?¹¹⁹ Несмотря на отказ, японский посол выразил оптимизм относительно исхода будущих переговоров, одновременно твёрдо рассчитывая на получение контрибуции¹²⁰. Не удивительно, что за океан будущий граф отправился в исключительно скверном настроении, будучи скорее уверенным в грядущем провале мирной конференции.

Пока С.Ю. Витте находился в Европе, Николай II 10–11 (23–24) июля 1905 г. в Бьорке подписал союзный договор с Вильгельмом II. Трудно сказать, были ли связаны напрямую будущие русско-японские переговоры и встреча двух императоров¹²¹. Б.А. Романов считал, что царь пошёл на союз с Германией в поисках любой опоры в преддверии Портсмута¹²². Такой ход требовал

¹¹⁹ Т. Хаяши – Ю. Комуре 21 июля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.334–336. По версии Э. Диллона, С.Ю. Витте хотел, чтобы Х. Ито вошёл в состав японской делегации и имел полномочия как для подписания мира, так и заключения союзного договора (Dillon E.J. Op. cit. P.302).

¹²⁰ А. Рафалович – В.Н. Кокцову 12 (25) июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.23. Своё мнение Т. Хаяши выразил лондонскому корреспонденту газеты «Matin» Гедеману, отправлявшемуся в Портсмут на одном пароходе вместе с С.Ю. Витте. Разговор газетчика с А. Рафаловичем состоялся, разумеется, для того, чтобы позиция Т. Хаяши была сообщена в Петербург. Вероятно, это являлось ответом на обращение С.Ю. Витте.

¹²¹ Обстоятельства подписания Бьоркского договора известны прежде всего по письму Вильгельма II Б. Бюлову, написанного 25 июля 1905 г., на следующий день после его заключения (Die grosse politik der europäischen kabinette 1871–1914. Bd.19/2. S.455–456). Текст послания пересказан Б.А. Романовым (Указ. соч. С.467–468). Николай II не оставил о встрече письменных свидетельств, но его рассказ В.Н. Ламздорфу об этом привёл в мемуарах ближайший сотрудник министра, директор его канцелярии А.А. Савинский (Savinsky A. Recollections of a Russian Diplomat. L., n/d. P.115). Расходящиеся в ряде деталей, они сходятся в том, что текст документа был неожиданно предложен Вильгельмом II царю и тот одобрил его, не обнаружив подвохов. Никаких соображений в связи с русско-японской войной при этом не выдвигалось.

¹²² Романов Б.А. Указ. соч. С.472. В.М. Хвостов вообще не анализировал связку между Бьорке и Портсмутот (История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.575–577). А.В. Игнатьев полагает, что встреча двух императоров укрепила международный престиж России и

весьма тонкого расчёта на ответные меры Франции, а через неё – и Англии для умиротворяющего воздействия на японцев, чтобы оторвать Петербург от Берлина. Действительно, Франция и Англия заметно встревожились. Но, судя по действиям российской дипломатии, которая бросилась успокаивать Лондон и Париж, не похоже, чтобы ход Николая II явился заранее продуманной и хорошо спланированной акцией: в таком случае, следовало бы поддержать тревогу и напряжение¹²³. Более вероятен другой ответ: царь был недоволен поведением Парижа в ходе всей русско-японской войны, не ощущая его поддержки, именно это, прежде всего, сказалось на его импульсивном решении подписать соглашение с Вильгельмом II¹²⁴.

Итоги встреч в Берлине и Париже С.Ю. Витте сообщил в Петербург. Он настаивал на неизбежности уплаты денег (во Франции так «все считают»). Российскому уполномоченному стала более близкой позиция нового (с 29 июня 1905 г.) морского министра А.А. Бирилёва (лучше отдать любые деньги, чем расстаться с Сахалином), а не министра финансов В.Н. Коковцова, который отвергал контрибуцию. Вместе с тем, полученная им перед отъездом из Петербурга дополнительная инструкция не отвергала категорично потерю острова («на отдачу Сахалина я мог бы согласиться»), тогда как об уплате денег Николай II заявил ему «гораздо категоричнее»¹²⁵. Сановник явно хотел получить разрешение на контрибуцию.

14 (27) июля немецкий пароход «Kaiser Wilhelm der Grosse» с русской делегацией на борту покинул французский порт Шёрбур. За время плавания С.Ю. Витте не столько готовился к предстоящим переговорам, сколько, не переставая, брюзжал по поводу предшествовавшей политики России на Дальнем Востоке, особенно против безобразовцев. Никакая серьёзная работа всей делегацией как будто не велась, будущие переговоры обсуждались преимущественно за обедом. С.Ю. Витте открыто заявлял, что «он не в состоянии будет принять решение и вообще выяснить положение дела лишь по прибытии в Америку капитана Русина, едущего с театра войны и имеюще-

тем «улучшила» шансы на успех переговоров, не раскрывая, каким образом это могло произойти (Игнатев А.В. Годы войны с Японией и первой русской революции // История внешней политики России конца XIX – начала XX вв. М., 1997. С.180).

¹²³ Острецова М.Л. Указ. соч. С.101–103. К тому же, те, кто успокаивал (С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф, А.К. Бенкендорф), не знали содержания подписанного в Бьорке соглашения!

¹²⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.467. Косвенное подтверждение этого предположения содержится в дневниках Николая II, который после завершения встречи в Бьорке отметил, что простился с Вильгельмом II «с большой сердечностью» (Дневники императора Николая II. М., 1991. С.269. Запись 11 июля 1905 г.).

¹²⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.354–370.

го точные сведения об армии»¹²⁶. Для себя же российский уполномоченный сформулировал правила поведения на переговорах: «1) ничем не показывать, что мы желаем мира; вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т.е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем её представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства, совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке и американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно»¹²⁷.

По дороге в США, С.Ю. Витте начал кампанию за завоевание американского общественного мнения на свою сторону. На корабле во время морского перехода он уже давал интервью журналистам, немалое число которых сопровождало российскую делегацию. В Нью-Йорк русская делегация прибыла 20 июля (2 августа) (Ю. Комура приехал за неделю до С.Ю. Витте). Ступив на американскую землю, российский представитель всячески подчёркивал свои симпатии и уважение как к американскому народу, так и к его президенту. Ещё до отъезда в Америку С.Ю. Витте получил согласие Николая II на отмену ввозных пошлин на продукцию американского машиностроения и создание для США условий наибольшего благоприятствования в торговле с Россией (соблюдая приличия, официально Т. Рузвельту объявили об этом уже после окончания переговоров, но американцы знали заранее о принятом Россией решении). 21 июля (3 августа) С.Ю. Витте посетил биржу в Нью-Йорке, 1 (14) августа встретился с крупнейшими еврейскими банкирами¹²⁸. Разговор позволил смягчить отношение финансистов к самодержавию, что также косвенно способствовало заключению мира.

¹²⁶ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.188. Похоже, что это была простая отговорка. А.И. Русин появился в Портсмуте лишь 27 июля (9 августа) и сообщил, что настроение в армии бодрое и что на мир она не рассчитывает. С.Ю. Витте долго беседовал с ним «и вынес неблагоприятное впечатление в смысле стратегической обстановки и шансов на победу» (С. 219). За прекращение войны любой ценой выступал другой член российской делегации, бывший военный агент в Японии полковник В.К. Самойлов, к его суждению С.Ю. Витте прислушивался в большей степени (Русин А.И. К истории мирных переговоров в Портсмуте в 1905 году // Морские записки. Vol. II. №4. Нью-Йорк, 1944. С.253–254).

¹²⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2002. С.156.

¹²⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С.193–194.

По прибытию в США С.Ю. Витте ждал неприятный сюрприз. 18 (31) июля ему из Петербурга с одобрения Николая II В.Н. Ламздорф отправил телеграмму, которая имела значение дополнительной инструкции. В ней министр подчеркнул, что российскому уполномоченному никто не давал права на уступку Сахалина¹²⁹. Это могло означать только оно: туманная фраза в дополнительной инструкции в связи с захватом острова японцами не предоставляла главному уполномоченному возможности распорядиться его судьбой (возможно, это стало результатом встречи с Вильгельмом II в Бьорке)¹³⁰. С.Ю. Витте ответил В.Н. Ламздорфу с чувством явного неудовольствия, что принял распоряжение к исполнению¹³¹. После этого официальная позиция российского уполномоченного уже разительно отличалась от заявлений, которые он делал в Германии.

22 июля (4 августа) российские уполномоченные имели частную беседу с Т. Рузвельтом. На ней выявился вопрос, выглядевший непреодолимым – о контрибуции. Т. Рузвельт, отрицавший, что ему известны условия японцев¹³², полагал, что России следует согласиться с требованием о контрибуции, С.Ю. Витте возражал и вообще заявил, что представляет непобеждённую державу¹³³. Русские делегаты и американский президент расстались с пессимистическим настроением относительно исхода переговоров.

23 июля (5 августа) состоялась первая официальная встреча делегаций при участии Т. Рузвельта на его яхте, после чего все отправились в Портсмут. «Остербейская обширная и живописная бухта была усеяна шлюпками, любительскими яхтами, пароходами, наполненными весёлой публикой, которая приветствовала и фотографировала русских и японцев, где только удавалось их видеть»¹³⁴. В Портсмуте участники переговоров оказались лишь 27 июля (8 августа), так как морской путь оказался очень медленным из-за тумана. С.Ю. Витте покинул яхту 24 июля (6 августа) в Ньюпорте и проделал часть

¹²⁹ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 18 июля (1 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.100–101.

¹³⁰ Впервые на историю вокруг уточнения позиции относительно Сахалина обратил внимание Б.А. Романов. Он связал её с предположением, что перед отъездом С.Ю. Витте получил устное разрешение царя «бросить на весы в случае необходимости половину Сахалина», а потом просто взял своё согласие назад. Причины такого колебания самодержца Б.А. Романов никак не объяснил, а поведение российского уполномоченного в Берлине представил как его личную самодеятельность («проговорился») (Романов Б.А. Указ. соч. С.486).

¹³¹ Черновик телеграммы С.Ю. Витте в Петербург 20 июля (2 августа) 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.374а.

¹³² Р.Р. Розен – В.Н. Ламздорфу 20 июля (2 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.102.

¹³³ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 июля (4 августа) 1905 г. // Там же. С.103–104.

¹³⁴ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.23 об. – 24.

пути до Портсмута по железной дороге. Прибыв в Бостон, российский представитель «пожал руки всей поездной прислуге, а машиниста даже поцеловал». На самом деле, С.Ю. Витте лишь дал машинисту и кочегару чаевые и пожал протянутые ему руки, а газеты раздули этот эпизод. Впрочем, «легенда о поцелуе сделала больше для популяризации русской миссии <...>, чем наши дипломатические любезности»¹³⁵. И действительно, с этого момента русскую делегацию и особенно С.Ю. Витте стали встречать уже не просто с интересом и симпатиями, но с овациями. До этого в США господствовало мнение о России как о стране мрачного абсолютизма и реакции¹³⁶.

12.4. Русско-японские переговоры в Портсмуте

Портсмут в начале XX в. был небольшим провинциальным городом с 10-тысячным населением. Русская и японская делегации поселились в деревянном четырёхэтажном отеле «Уинтворт» (который существует и сейчас), находившимся в четырёх верстах от центра. Номера «были очень дороги и плохи и все одного образца и размера». «У Витте и у барона [Розена] по две маленькие комнаты с ваннами <...> Потолки низкие, убранство самое простое, окна на шарнирах поднимаются кверху и в каждом окне проволочная сетка от комаров <...> Вообще комфорта мало, прислуга состоит из горничных-американок и мальчиков-мулатов (bell-boys), которых не дозвониться и которые отвечают на всё совершенно бестолково»¹³⁷. Русская делегация жила вразбивку, помимо неё в отеле находились другие постояльцы, а также 60 репортёров. Секретарь делегации Г.А. Плансон вспоминал: «Мы были фактически в осаде у корреспондентов. Нельзя было пройти по коридору или общим залам, чтобы не встретить их десятками». Несколько журналистов «почти непрерывно» дежурили у дверей номера С.Ю. Витте. «Всё, что им удавалось подметить, услышать или подслушать, тотчас печаталось в газетах»¹³⁸. Глава российской

¹³⁵ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.212–213.

¹³⁶ Однако, несмотря на все усилия, изменить отношение американского общественного мнения и средств массовой информации к России С.Ю. Витте не удалось (Trani E.P. The Treaty of Portsmouth: an Adventure in American Diplomacy. Lexington: University of Kentucky Press, 1969). Наступившую же сдержанность прессы в отношении японских требований (уже в июне американские газеты «снизили» размер контрибуции с 2 млрд. до 500 млн. долларов, из которых ещё следовало вычсть стоимость Порт-Артура и Дальнего) агент Министерства финансов в США Г.А. Виленкин связывал с посредническими усилиями Т. Рузвельта и его влиянием (Г.А. Виленкин – В.Н. Коковцову 8 (21) июня 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.31–33).

¹³⁷ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.216.

¹³⁸ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.26–27. Для общения с прессой со стороны русской делегации были назначены К.Д. Набоков и И.Я. Коростовец, ко-